

ОСОБЕННОСТИ ФЕОДАЛЬНОГО ПОРЯДКА В СИБИРИ (XVII в.)

В. А. Александров

В послевоенные годы за относительно небольшой срок советская историческая наука в противовес наследию буржуазной мысли о путях развития Сибири в составе России неоспоримо доказала три положения, ставших основой нашей концепции о социально-экономическом развитии этого края. Прежде всего признана первостепенная роль в присоединении Сибири к России (с конца XVI и на протяжении XVII в.), мирного ее заселения стихийным потоком русских, преимущественно поморских переселенцев; далее выяснилось, что принесенное русскими и неизвестное ранее сибирским народам пашенное земледелие стало ведущей отраслью хозяйства, обусловившей в дальнейшем экономическое развитие Сибири; наконец, вхождение Сибири в состав России повлекло за собой распространение и упрочение в Сибири новых, более передовых для того времени социально-экономических отношений, свойственных позднефеодальному Русскому государству. Сибирь становилась его органичной частью, и процесс ее развития определялся общими для него закономерностями.

Установление указанных основных направлений научных исследований дало возможность более общего теоретического осмысления вариантов развития позднефеодального общества в таком обширном и многообразном по областным условиям государстве, как Россия, отдельным регионам которого было свойственно своеобразие исторических судеб, естественных, географических и климатических условий. Разумеется, при таком осмыслении прежде всего привлекает внимание система общественных отношений. Если коренное (кочевое или полукочевое) население Сибири, стоявшее на разных стадиях родового и племенного общественного устройства, более ускоренно, чем ранее, эволюционизировало, вовлекаясь в орбиту феодальных отношений и выплачивая ренту продуктами (ясаком), то притекавшие из Европейской части России и оседло поселявшиеся в Сибири переселенцы сразу же втягивались в систему институтов феодального общества. Нет ни малейшего сомнения в том, что с конца XVI в. в Сибири устанавливалась система «государственного феодализма», существование которой доказано многими исследованиями, посвященными разным сибирским областям¹.

Система «государственного феодализма» в Сибири впервые наиболее полно и убедительно была раскрыта чл.-корр. АН СССР В. И. Шунковым. Его главные положения заключались в следующем: исключая земля приборных служилых людей и немногочисленных монастырей, «остальная земля, освоенная русским населением, находилась в пользовании государевых крестьян. Основания этого землепользования в Сибири были

¹ Л. Г. Сухотина. Вопрос о «государственном феодализме» в Сибири в советской историографии. «Доклады первой межвузовской научной конференции по историографии Сибири». Кемерово. 1970, стр. 104, 105.

такими же, как и в черносошных районах Руси. Пользование землей обусловливалось тяглом, но так как тягло в принципе не должно было прекращаться, то и связь данного участка земли с лицом, несшим тягло, рассматривалась как постоянная. Непрерывное несение тягла создавало и постоянное пользование участком земли. С этим сочеталось представление о верховном владельце всех земель — государе, за пользование землями которого и несло тягло»². Далее, решая вопрос о социальной природе государевых крестьян, составлявших основную массу русского сельского населения Сибири, В. И. Шунков писал: «Правительственная деятельность шла по уже не раз испытанному пути организации крупных хозяйств — так называемой государевой десятинной пашни»³.

Изучение организации государева десятинного хозяйства является одной из наиболее сильных сторон исследования В. И. Шункова. Сложнее вопрос о складывавшихся отношениях крестьянина с феодальным владельцем (государством), точнее — о личном прикреплении крестьянина к земле и степени развития в сибирской деревне крепостничества. Сам В. И. Шунков, изучая длительное время феодальный строй сибирской деревни и никогда не отказываясь от уточнения выводов, в данном вопросе проявлял существенные колебания. В 1946 г. он полагал, что «крестьянство Сибири весь XVII в. сохраняло за собой, несмотря на двойственную политику и колебания по этому вопросу правительственной администрации, право передачи тягла. Это право оно широко использовало, устраивая вместо себя в государево тягло гулящих людей»⁴. В другом месте той же книги В. И. Шунков не менее определенно писал, что «сибирский крестьянин терял постепенно свободу перехода, которой вначале он, несомненно, обладал»⁵. В 1956 г. он признал возможность сдачи тягла только в качестве исключения — «отдельные порядные как бы сохраняют при известных условиях за крестьянином право перехода». В. И. Шунков отмечал, что феодальная эксплуатация в Сибири не достигла в общем грубых форм крепостничества, характерных для Центральной России, однако конкретно единственное отличие в положении сибирского крестьянина от положения крепостного он усматривал в отсутствии торговли крестьянами, что объяснялось слабым развитием частного землевладения в Сибири⁶. Наконец, в коллективном обобщающем труде «История Сибири» В. И. Шунков смягчил свои формулировки: «Тягло в принципе не должно было прекращаться, хотя не исключалась возможность замены одного тяглеца другим», «отдельные порядные, правда, при известных условиях, как бы сохраняют за крестьянином право перехода. С этим согласуются случаи сдачи тягла. Несмотря на это, общая идея крестьянской крепости, выраженная словами поручных и порядных «никуда не збежать», заключается в стремлении подчинить себе порядок жизни сибирской деревни XVII в.»⁷. Тем не менее далее он по-прежнему подчеркивал свою мысль, что сибирские крестьяне «были прикреплены к обрабатываемому участку земли»⁸.

К настоящему времени в историографии определились разные точки зрения на степень феодальной подчиненности сибирского крестьянства. Еще в 1949 г. В. Н. Шерстобоев весьма противоречиво попытался охарактеризовать социальную природу прибайкальского крестьянства. С одной стороны, классовую структуру феодального общества он подменил

² В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М. 1956, стр. 374, 375 (см. также стр. 399—400, 403, 412).

³ Там же, стр. 399.

⁴ В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М.-Л. 1946, стр. 34 и сл.

⁵ Там же, стр. 209 (см. также стр. 210, 211).

⁶ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 400, 412.

⁷ «История Сибири». Т. II. Л. 1968, стр. 113, 119.

⁸ Там же, стр. 124.

группировкой сословных частей населения (за что его справедливо тогда же критиковал В. И. Шунков⁹), а с другой — в своей книге то пытался оттенить принципиальное своеобразие положения илимского крестьянина, которого «нельзя рассматривать ни как государственного крепостного, ни как свободного фермера», то объявлял его государственным крепостным¹⁰. Точка зрения В. И. Шункова была поддержана Ф. Г. Сафроновым и А. Н. Копыловым. Изучая историю крестьянской колонизации XVII в. бассейнов верхней Лены и Илима, Ф. Г. Сафронов в 1956 г. характеризовал отводные памяти, крестьянские книги и поручные записи как крепостные акты, которые «в совокупности прикрепляли крестьян к земле, превращая их если не юридически, то фактически в крепостных»¹¹. Ф. Г. Сафронов признавал за крестьянами возможность в течение всего XVII в. сдать пашню другим лицам, поряжавшимся в крестьяне, и, не выходя из своего сословного состояния, переменить местожительство, но считал ее нереальной, так как съемщиков тягла было очень мало. В 1961 г. в исследовании по истории русского крестьянства в Якутии Ф. Г. Сафронов еще более определенно высказал мысль о прикреплении крестьян к наделу и существовании в Сибири крепостного права¹². А. Н. Копылов, характеризует положение енисейских крестьян в XVII в., подтверждал успешное прикрепление правительством крестьянина к тяглу. В 1957 г. в своей рецензии на книгу Ф. Г. Сафронова он допускал возможность частичной сдачи тягла крестьянами и категорически отрицал их право на полную сдачу. В 1965 г. А. Н. Копылов констатировал широкое распространение в последней трети XVII в. полной или частичной сдачи тягла крестьянами-старожилами новопоселенцам¹³.

Иначе подходили к решению рассматриваемого вопроса другие ученые. Б. Б. Кафенгауз в рецензии на книгу В. И. Шункова «Очерки по истории земледелия Сибири XVII в.» упрекал его за то, что он чрезмерно расширяет значение феодальных отношений в Сибири¹⁴. В 1964 г. автор настоящей статьи, основываясь на данных, характеризующих историю освоения русским населением Енисейского края в XVII — начале XVIII в., и подтверждая феодальный характер складывавшихся там аграрных отношений, доказывал, что при существовавшей государственной форме собственности на землю правительству тем не менее не удалось прикрепить сибирских крестьян «к определенному участку земли и ликвидировать право сдачи крестьянами тягловых обязательств любому новоприходцу или представителям других социальных групп местного населения, пожелавшим войти в состав пашенных крестьян. Только в случае ухода без передачи тягла крестьянин, а также посадский человек рассматривался как беглый и мог последовать сыск со всеми вытекающими из него последствиями»¹⁵. В условиях непрекращающегося притока переселенцев сдать тягло не представляло большой сложности, такие сдачи (целиком или частично) «отмечались во всех именных крестьянских книгах и не рассматривались властями как нарушение крестьянами существующего порядка общественных отношений»¹⁶.

⁹ См. «Вопросы истории», 1950, № 3, стр. 132—135.

¹⁰ В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. Т. I. Иркутск. 1949, стр. 112, 113, 380, 593, 594.

¹¹ Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII веке. Якутск. 1956, стр. 107—108 (см. также стр. 109—111, 182).

¹² Ф. Г. Сафронов. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). Якутск. 1961, стр. 450, 451.

¹³ См. «Вопросы истории», 1957, № 2, стр. 172; А. Н. Копылов. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск. 1965, стр. 73, 74.

¹⁴ См. «История СССР», 1957, № 2, стр. 170.

¹⁵ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М. 1964, стр. 215 (см. также стр. 174, 175, 202, 203, 207).

¹⁶ Там же, стр. 209.

Аналогичные точки зрения высказывались и исследователями, изучавшими Зауралье и Западную Сибирь XVII века. А. А. Преображенский писал, что с самого начала XVII в. крестьяне стали прибегать к получившей позже широкое распространение сдаче десятинной пашни новоприходцам с наделением их частью инвентаря, скота, собиных земель и прочего имущества. По его наблюдениям, старожильческое население Западной Сибири было создано черносошным крестьянством Поморья, и феодальные отношения в Западной Сибири были близки к «государственному феодализму черносошной деревни русского Севера»¹⁷. Эти же взгляды разделили З. Я. Бояршинова и М. М. Громыко. З. Я. Бояршинова отмечала, что «феодалам в XVII в. не удалось полностью закрепить пашенных и оброчных крестьян Сибири, прикрепить их к постоянным наделам, как это имело место в помещичьих хозяйствах Европейской России...»¹⁸. Чуть позднее в другой своей работе она еще более определенно подчеркнула, что, несмотря на свои крепостнические устремления, «правительство в условиях Сибири вынуждено было ставить вопрос не о личном прикреплении крестьян к земельным наделам, а лишь об обязательном обеспечении крестьянами тягла и практически не препятствовать передаче его (частично или полностью) другому лицу»¹⁹. М. М. Громыко также не соглашалась «с встречающимся в сибиреведческой литературе приписыванием крепостного состояния государственному крестьянину»²⁰.

Таким образом, при единодушном признании феодального характера аграрного строя в Сибири и десятинной пашни как основной (барщинной) формы эксплуатации крестьян вопрос о реальных отношениях в этом регионе между крестьянством и феодальным государством до настоящего времени представляется дискуссионным, что, в свою очередь, не может не отразиться на понимании своеобразия в развитии окраинных территорий Российского государства, в частности Сибири. Поэтому необходимо попытаться проследить соотносительность наиболее грубой, отработочной формы феодальной ренты, введенной в Сибири правительством, с юридическим и фактическим положением крестьянина.

По сохранившимся за 1623—1625 гг. поручным записям, фиксировавшим поступление новоприходцев в крестьяне Невьянской слободы, Верхотурского уезда, можно заметить неидентичность их формулы²¹. По этим записям в крестьяне поверстался 31 человек. В четырех случаях пашня и «государева подмога» брались под личную ответственность новопоселенца; в трех порутчики брали на себя ответственность за «подмогу», но не за пашню, если порядившийся сбежит; в одном — 6 верхотурских «посадских жильцов» довольно неопределенно обязались нести «пеню как укажет великий государь», если порядившийся без «подмоги» гуляющий человек С. Иевлев не станет пахать пашню. Наконец, в 19 случаях порутчики отвечали и за «подмогу» и за пашню, а в четырех случаях, когда поселенец не брал «подмоги», — только за пашню. Несмотря на разные условия обеспечения обязательств поверставшегося

¹⁷ А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М. 1972, стр. 83, 319 (см. также стр. 68, 120).

¹⁸ З. Я. Бояршинова. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства феодальной эпохи. Сборник «Проблемы истории советского общества Сибири». Вып. II. «История крестьянства Сибири досоветского периода». Новосибирск. 1970, стр. 76, 77.

¹⁹ З. Я. Бояршинова. Заселение Сибири русскими в XVI — первой половине XIX в. «Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода». Новосибирск. 1971, стр. 53.

²⁰ М. М. Громыко. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства периода феодализма. «Проблемы истории советского общества Сибири». Вып. II, стр. 19 (см. е-е же. Сибирский вариант позднефеодальных аграрных отношений. «Тезисы докладов и сообщений XI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». М. 1969, стр. 131—134).

²¹ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба (ф. 1111), оп. 2, д. 10, лл. 2—6, 8—21, 24—32, 34—36.

в крестьяне, поручные записи не дают основания говорить о праве новопоселенца прервать или изменить эти обязательства («на Невье жить и не сбежать и государева пашня пахать и впредь»). Подобные формулировки во многом определяли выводы исследователей о прикреплении правительством крестьян к опеределенному участку земли, хотя, по наблюдению А. А. Преображенского, порядные грамоты, заключавшиеся Невьянским Богоявленским монастырем в 50—60-х годах XVII в., убеждают в том, что «право ухода, хотя и обставленное разными рогатками, является неотъемлемой частью прибора в крестьяне»²².

Впечатление о крепостнической действительности, однако, изменяется, если обратиться к материалам о сдаче крестьянами тягол. Под влиянием этих материалов порядные и поручные записи теряют свою убедительность, несмотря на традиционно сохраняемую форму. Нет данных о том, чтобы в первой половине XVII в. правительство законодательно определило свою точку зрения о юридическом положении сибирского крестьянства. В этом отношении весьма характерна отписка в Москву (1644 г.) приказчика Маковского острога Б. Болкашина, в которой он обвинял енисейского воеводу Ф. Уварова в том, что последний отпускал с пашни «лучших» крестьян, а на их место верстал «недостаточных», вновь пришедших в Енисейский уезд людей. Далее Б. Болкашин утверждал, что в «сибирских городах ис пашен никаких пашенных крестьян выпущать не велено и детей их в службу верстать не велено же»²³. Таким образом, с одной стороны, по утверждению Б. Болкашина, вина воеводы заключалась в отпуске с тягла именно «лучших» крестьян, а с другой, — будто бы отпускать крестьян вообще было нельзя. Эта противоречивость утверждений приказчика отражала колебания, которые в то время, безусловно, существовали в Сибирском приказе относительно проводимой социальной политики. В условиях стихийного переселения в Сибирь преимущественно черносошного поморского крестьянства правительство исподволь пыталось крепостническим путем укрепить свою барщинную десятинную пашню. В. И. Шунков ссылается на выпись, составленную в Сибирском приказе в 1636 г., в которой говорилось, что в воеводских наказах всегда писалось, чтобы крестьяне «никаким воровством не воровали и из Сибири к Руси и никуда не бегали»²⁴.

Однако крепостнические устремления уступали место более трезвой оценке сибирской действительности. Ф. Уваров отнюдь не превышал своих полномочий. И до него и после него воеводы западно- и восточносибирских уездов допускали полную и частичную сдачу тягла, обмен крестьянского тягла на посадскую и даже на приборную службу. Во всех подобных, отнюдь не единичных случаях местная администрация заботилась прежде всего об обеспечении тягла. Сдача обязательно должна была быть документально оформлена в уездной приказной избе, а на вновь поряжавшегося в крестьяне составлялась поручная запись. Об обязательности этой операции напоминалось в воеводской памяти приказчику Ирбитской слободы А. Бернадскому в конце 1652 года. В ней утверждалось, что без санкции верхотурских властей местные оброчные крестьяне не имеют права сдавать свои жеребьи. Посылка этой памяти объяснялась тем, что крестьяне Ирбитской, Усть-Ирбитской, Белослудской слобод, пользуясь нерадивостью местных приказчиков, «подряживали для своей легости в свои жеребьи на государеву оброчную пашню в пашенные крестьяне гулящих и тутошных людей нужных, такие нужные крестьяне покиня государеву оброчную пашню, бегают...»²⁵.

²² А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 184.

²³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 271, лл. 85—87.

²⁴ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 401.

²⁵ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, стб. 80, лл. 26, 27.

Таким образом, вопрос и в данном случае ставился не о запрещении сдачи, а, во-первых, о сдаче тяглоспособным людям и, во-вторых, о соблюдении формального порядка сдачи. В 1659/60 г., когда верхотурский подгородный пашенный крестьянин В. Куткин сдал без формального оформления часть своей десятинной пашни другому верхотурскому же крестьянину И. Хорькову, с него по-прежнему требовали исполнения повинностей по старому окладу. В. Куткин подал челобитную с просьбой оформить сдачу, на что последовала воеводская резолюция: взять поручную запись с крестьян об И. Хорькове, а изменение пашенного оклада внести в «книгу»²⁶. Та же мысль прослеживается в памяти ирбитскому приказчику И. Будакову (конец 1670 г.) с запросом по поводу выехавших крестьян: «в их место в тягле люди есть ли и сполна ли тягло с них емлетца, по чему платили те крестьяне и по какому указу они из Ирбитцкой слободы выехали, по верхотурским ли памятям или собою и в котором году хто съехал и которой приказчик их выпустил, да впредь бы тебе из Ирбитцкой слободы ис тягла крестьян без указу в. г. и верхотурских памятей отнюдь не выпускать»²⁷.

В начале второй половины XVII в. последовало формальное разрешение оброчным крестьянам сдавать тягло. Об этом свидетельствует справка, составленная приказной избой в Верхотурье в 1670-х годах. В ней говорилось, что «в прошлых годах» крестьянам, состоявшим на хлебном и денежном оброке, «веливано» сдавать тягло и разрешено переселяться в другие деревни²⁸. В другой приказной верхотурской справке 1684 г. подчеркивалось, что это разрешение «в прошлых годах» было дано в результате челобитья подгородных и слободских уездных оброчных крестьян — «для их скудости и одиночества оброчное тягло здавать велено и по съемщиках в том оброчном тягле иманы поручные записи»²⁹. В начале 1680-х годов последовало формальное разрешение сдачи и десятинной пашни. В выписи, составленной в Верхотурской приказной избе по поводу одной такой сдачи, указывалось, что в 1682/83 и 1683/84 гг. воевода М. А. Толстой «приказал» крестьянам, которым за старостью, увечьем или попросту «за скудостью» тягла нести «не в мочь», сдавать десятинные и оброчные земли³⁰.

Документы о сдаче крестьянских тягол свидетельствуют о том, что сибирские крестьяне имели не только возможность менять свой социальный облик, но и право уменьшать объем возложенных на них повинностей, передавая другим часть своего тягла. Передача тягол сопровождалась имущественными сделками, отражавшими земельное обращение; она говорила о порядке комплектования сибирского крестьянства, его внутренних миграциях, его имущественной дифференциации и, наконец, о гибкости правительственной политики, направленной на увеличение тяглового крестьянского населения.

При полной сдаче тягла крестьянин вовсе не обязательно порывал со своим социальным положением и не всегда к этому стремился. Для зажиточных крестьян сдача тягла и переезд на новое местожительство являлись своеобразной сделкой, в равной степени выгодной и им самим и местной администрации. В 1649 г. в Сибирском приказе разбирались челобитье енисейского крестьянина А. П. Бороды. В 1634 г. он был сослан из Смоленщины в Енисейск и в устье Ангары поднял пашню; через три года он «поставил на ту пашню в свое место» трех гулящих людей, а сам перебрался на Сполошный луг, где основал другое хозяйство. При этом переселении он, конечно, не безвозмездно, передал гулящим людям свой двор и «весь деревенский завод». В результате местное крестьян-

²⁶ Там же, оп. 2, стб. 111, л. 1.

²⁷ Там же, оп. 1, стб. 90, лл. 200, 201.

²⁸ Там же, оп. 2, стб. 190, лл. 80—83.

²⁹ Там же, стб. 319, л. 9.

³⁰ Там же, л. 17.

ство увеличилось на трех тяглов, а А. Борода начал осваивать другой участок, получив на 5 лет освобождение от государевых повинностей. В дальнейшем воевода Ф. Полибин попытался уже по своей инициативе переселить А. Бороду для освоения нового участка. Однако ссылка А. Бороды на то, что он сдал трем гулящим людям освоенную землю со всем хозяйством, послужила Сибирскому приказу достаточным основанием, чтобы не только отклонить намерение Ф. Полибина, но и в качестве поощрения за освоение земель удовлетворить просьбу А. Бороды о выводе его займки на Сполошном лугу из состава крестьянских земель и передаче ее его сыну (записанному в казачью службу) в качестве хлебного жалованья³¹. Еще более значительное поощрение было оказано Сибирским приказом в 1645/46 г. крестьянину западносибирской Нижней Ницынской слободы Д. Андрееву, который в 1637/38 и 1641/42 гг. на освоенную им десятину государевой пашни «поставил» вместо себя 5 гулящих людей, «добрых с своими животами». Сдав таким образом пашенное тягло, Д. Андреев получил разрешение стать слободчиком и на р. Туре основать слободу, призывая в нее на оброк вольных гулящих людей³².

Передача тягла не возбранялась и между местными крестьянами, когда одни из них принимали на себя тягло других, разумеется, с освоенными собинными землями и тем самым увеличивали возможности своего пашенного хозяйства. Такие передачи тяглых обязательств и земель мотивировались не только старостью и «одиначеством», но и «бедностью»; иногда причина передачи вовсе не фиксировалась. В 1661 г. верхотурский подгородный пашенный крестьянин М. Шипица за старостью и «одиначеством» сдал десятинную пашню (полдесятины без полчети) крестьянскому сыну Г. Тихонову; в поручной записи было указано, что М. Шипица передал ему двор, пашенные земли, покосы и лошадь³³. В конце 1662 г. П. Г. Загайнов по каким-то причинам передал О. И. Трапезникову четверть десятины с получетью десятинной пашни со всем своим двором (изба с клетью, баня, овин), пашенными и покосными землями и рыбными ловлями³⁴. В конце 1663 г. М. Т. Долгошин также по неизвестным причинам сдал четверть десятины десятинной пашни И. И. Трубину вместе с двором, собинными землями и угодьями, скотом (лошадь, телка) и инвентарем (ральники, коса, серп). По всей вероятности, он не намеревался ликвидировать крестьянское хозяйство, так как оговорил раздел и обмолот поровну своего запаса ржи, хранившегося в четырех овинах³⁵.

В 1684 г. верхотурский крестьянин К. Жерноков вместе с братом сдал оброчное тягло соседу Л. Пинаеву. К. Жерноков объяснил эту сдачу тем, что «оскудел и обдолжал и за скудостью оброчного хлеба платить стало не в мочь и деревни пахать стало не на чем». Выпись из окладных именных книг подтвердила за ним недоимку за три года и засвидетельствовала прочность хозяйства Л. Пинаева, с которым вместе жило еще пять братьев. Обдлжавший тяглец не представлял для местной администрации ценности, и воевода М. А. Толстой приговорил передать его оброчное тягло хозяйственно более мощной семье («иво повытье против чети десятины и деревню з землями и с покосами снять и со всякими

³¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 307, лл. 199—203. Рассмотренное явление имеет прямую аналогию с практикой, наблюдавшейся в Поморье: в 1617 г. крестьянин Н. Попов получил в Молской волости, Тотемского уезда, починок «испуста в жило» с льготой на 10 лет при условии «двор поставить, и совсем устроить, и жильца посадить, и пашня вся роспахать и поля огородить»; к 1623—1625 гг. Н. Попов «посадил» там пять крестьянских дворов (П. А. Колесников. Крестьянство и сельское хозяйство Европейского севера России в XVI—XVIII вв. Л. 1962. Рукопись докт. дисс., стр. 190).

³² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 263, лл. 148—150.

³³ Там же, Верхотурская приказная изба, оп. 2, стб. 111, лл. 8—10.

³⁴ Там же, лл. 11—12.

³⁵ Там же, л. 14.

угодьями»), что и было закреплено поручной записью семи местных крестьян. По-видимому, в результате приема чужого тягла, как свидетельствует поручная запись, с 1685 г. верхотурский крестьянин С. А. Чежегоров сверх старого своего оброчного тягла обязался платить дополнительный оброк³⁶.

Полное представление создается об условиях сдачи в 1685 г. десятинного тягла и передаче (а вернее продаже) хозяйства «нужного, бедного, скорбного, старого и одинокого» верхотурского крестьянина М. Боровского крестьянскому сыну Я. Дружинину. Судя по описи передаваемого имущества, М. Боровский был вовсе не беден. Я. Дружинин с десятинной пашней в четь и полполчети десятины получил от М. Боровского двор со всеми хоромами, пашенными и огородными землями, покосами, «чем он, Михайло владел и с путиками и с рыбными ловлями и со всякими угодья и с мельнице треть, да кобылу рыжую с жеребенком, да корову пеструю с теленком, две овцы, свинью, ральники... серп». За собой М. Боровский оставил только часть рыбных ловель и третью долю с мельницы³⁷. В 1689 г. в западносибирской Краснопольской слободе оброчный крестьянин Ф. Егрнев сдал И. Носкову оброчное тягло (8 алтын 2 деньги) с двором и «всяким дворовым заводом», двумя лошадьми, инвентарем и «всеми распашными землями», а себе оставил лишь кузницу³⁸. Незаметно, чтобы во всех рассмотренных случаях крестьянин, сдавший десятинное или оброчное тягло, являлся бедным или не был в состоянии вести свое хозяйство. Причины, побуждавшие крестьян сдавать тягло и продавать имущество, могли быть различными. Прежде всего по каким-либо соображениям крестьяне могли переселяться на новое местожительство. Продавая двор и собинные земли, они далеко не всегда расставались со своим скотом, а также оставляли за собой запасы зерна или оговаривали долю будущего урожая. О таких официально оформленных переселениях сохранились прямые и косвенные данные. Так, Ф. Прокопьев в конце 1640-х годов сдал свою десятинную пашню под Туринском гулящему человеку, а сам перебрался в Тобольский уезд. Он прожил там 13 лет в рудных крестьянах, затем сдал и это тягло и переселился в Усть-Ирбитскую слободу, где, в свою очередь, снял полчети десятины с оброчного крестьянина С. Осипова³⁹.

В 1666/67 г. гулящий человек Е. Семенов принял оброчное тягло ослепшего верхотурского крестьянина В. Ф. Зыряна. Можно предполагать, что, как обычно, Е. Семенов получил льготу на несколько лет по уплате государева оброка. По истечении льготных лет Е. Семенов в конце 1671 г. приискал себе заместителя, только что поселившегося под Верхотурьем крестьянина Т. Таскина, и подал челобитную с просьбой сдать ему тягло и разрешить самому переселиться в Тагильскую волость и принять там с льготными годами такое же оброчное тягло, лежащее «впусте» после смерти крестьянина Ф. Артемьева. Это челобитье было удовлетворено, причем Е. Семенов снова получил уже на новом месте льготу на два года, а Т. Таскин согласился тотчас нести с его тягла повинности, так как оно вышло из льготы⁴⁰. Таким образом, Е. Семенов фактически продлил себе льготный срок, но интересы казны ущемлены отнюдь не были, так как пустующее тягло Ф. Артемьева было замещено.

Безусловно, выгодное соглашение заключил в 1698 г. пашенный крестьянин Тагильской слободы М. Худорошков. Он вместе с братьями сдал верхотурскому крестьянину И. Ю. Каргополову треть десятины десятин-

³⁶ Там же, стб. 319, лл. 1, 2, 5—10.

³⁷ Там же, лл. 13, 15.

³⁸ Там же, оп. 1, стб. 121, л. 134.

³⁹ Там же, стб. 93, лл. 6, 7.

⁴⁰ Там же, оп. 2, стб. 190, лл. 73, 74, 79—83.

ной пашни со всеми собинными землями и двором, а за своей семьей оставил имевшееся у него «владение» в Новопышминской слободе, с которого он платил денежный оброк. Таким образом, М. Худорошков «избыл» барщину, но согласился платить повышенный втрое денежный оброк (вместо гривны 10 алтын в год)⁴¹. Можно полагать, что для подобных переселений из слободы в слободу и даже из уезда в уезд требовалось не только административное, но и мирское согласие, так как в поручных записях всегда оговаривалась обязательность для каждого тяглица несения мирских служб и повинностей. В отписке верхотурскому воеводе Д. П. Протасьеву приказчик Ирбитской слободы М. Протопопов в 1696 г. писал, что мирской староста подал «сказку» с согласием отпустить местного оброчного крестьянина И. Санкова на вечное жительство в Тобольский уезд⁴².

Сибирская администрация охотно принимала крестьянских сыновей и братьев, отделившихся от родных семей, переезжавших на новое местожительство и снимавших там тягло. На этой почве между уездными властями нередко возникали недоразумения. В марте 1670 г. крестьяне Благовещенской слободы, Туринского уезда, подали в местную приказную избу челобитную с просьбой о сыске бежавшего крестьянина Терентия Таскина, по которому они давали поручную запись. Следствие по этому делу показало, что Т. Таскин в 1667/68 г. ушел от родных братьев из Верхотурского в Туринский уезд, где снял десятинную пашню с местного крестьянина И. Зырянова и получил с него лошадь, корову, овцу и 1,5 осьминника озимого посева. Хозяйство у него не ладилось, лошадь пала, и он вернулся к братьям. Верхотурский воевода Ф. Хрущев, заинтересованный в каждом крестьянине, отдал распоряжение старосте подгородных верхотурских крестьян составить поручную запись по Т. Таскине, чтобы он жил с братом Степаном и никуда не съезжал, а туринским властям выдать его отказался и посоветовал выданную ему ссуду взыскивать с поручников Благовещанской слободы, у которых осталось имущество Терентия — корова, теленок и 175 суслонов немолоченого зерна⁴³. В конце 1671 г. Т. Таскин отделился от брата и, как уже указывалось, принял тягло Е. Семенова. Аналогичный случай произошел в 1680 г., когда тобольский воевода А. С. Шеин потребовал возвращения из Верхотурского уезда крестьянского сына Сидора Чепчуговского. Однако верхотурские власти выдать его также отказались, сославшись, во-первых, на то, что отец Сидора по-прежнему несет тягло, падавшее на всю семью, и, во-вторых, что Сидор в Арамашевской слободе пашет десятинную пашню и по нем взята поручная запись⁴⁴.

Таким образом, полная сдача тягла свидетельствовала о безусловном праве передвижения, сохранявшемся у сибирских крестьян, и отсутствию прикрепления их к определенному участку земли. Нередко она диктовалась хозяйственными соображениями, стремлением избыть тяжелую барщину и заменить ее более легким натуральным или денежным оброком. Сдача тягла обедневшим крестьянином еще не означала его пауперизации, так как он, переехав на новое местожительство или даже оставаясь на старом месте, мог снова принять тягло, получив на несколько лет льготу, освобождавшую его от несения феодальных повинностей. Так, в начале 1661 г. верхотурский подгородный крестьянин И. В. Путимцев «для бедности и одиночества» сдал свою десятинную пашню (четь и полполчети десятины) гулящему человеку К. Якимову, но продолжал владеть двором в Путимцевой деревне⁴⁵. Спустя 2,5 года он вновь вошел в состав пашенных крестьян и, получив на три

⁴¹ Там же, оп. 1, стб. 122, лл. 420—424.

⁴² Там же, стб. 121, л. 130.

⁴³ Там же, оп. 2, стб. 177, лл. 95—99.

⁴⁴ Там же, стб. 290, л. 40.

⁴⁵ Там же, стб. 111, лл. 2, 20, 21.

года льготу, обязался с 1666 г. пахать четь десятины десятинной пашни⁴⁶.

О широком распространении сдачи тягла можно также судить по записной книге пашенных крестьян Енисейского уезда, в которой зафиксировано на протяжении лишь трех лет (1666—1668 гг.) 11 случаев сдачи тягла шести гулящим, трем посадским и двум «жилетским» людям. В переписной книге пашенных крестьян Енисейского уезда 1669 г., где указаны правовые основания владения землей у каждого крестьянина, прослеживается пять полных или частичных сдач тягла. В именной крестьянской книге того же уезда за 1676 г. отмечено пять полных и три частичных сдачи тягла, а в книге 1680 г. одна полная и две частичных сдачи, и т. д.⁴⁷

Сдачей тягла сибирский крестьянин мог изменить и свое социальное положение — перейти в захребетники или гулящие люди, либо стать служилым или посадским человеком. Приказчик Ницынской слободы Г. Дирин сообщал верхотурскому воеводе Л. Г. Измайлову, что в 1651/52 г. при прежнем приказчике пашенный крестьянин Д. Худяков сдал полдесятины пашни местному же крестьянину О. Т. Удинцову, а сам переехал в Ирбитскую слободу, где поселился в захребетниках у родного брата-мельника. Г. Дирин беспокоил не самый факт перехода Д. Худякова в захребетники; он опасался, что О. Удинцов, будучи крестьянином «бедным и одиноким», не сумеет обеспечить два пашенных тягла — свое в четь десятины и вновь принятое от Д. Худякова в полдесятины, и именно поэтому запрашивал мнение воеводы⁴⁸.

В сибирских уездах закладчики, половники, захребетники составляли определенную, хотя, по-видимому, и не очень многочисленную группу сельского населения, на которую не распространялись отработочные феодальные повинности. В 1645 г. по крестоприводной книге в одной лишь Невьянской волости, Верхотурского уезда, насчитывалось 30 закладчиков⁴⁹. В Енисейском уезде в 1648 г. из половников и захребетников, ранее бывших в составе местных посадских людей и крестьян, по требованию посада г. Енисейска были возвращены в прежнее состояние 28 человек⁵⁰. Правительством допускало существование этой фактически не тяглой группы населения. По указу 1647 г. в сибирских уездах было запрещено насильно записывать в пашню одиноких русских переселенцев, «чтоб бес тех гулящих холостых людей сибирским служилым людям в наймех в работе нужи не было»⁵¹. В конце XVII в. в русских селениях Забайкалья можно было также встретить захребетников, которые «преж сего бывали в пашне»⁵². Таким образом, рассматриваемая группа населения пополнялась как за счет одиноких переселенцев, так и людей, вышедших с согласия местной администрации из тягла.

Среди документов Верхотурской приказной избы 1660—1670-х годов сохранилась также, к сожалению, недатированная челобитная оброчного крестьянина Краснопольской слободы П. Рублева, который, ссылаясь на отсутствие семьи и тяготы оброчного состояния, просил разрешить ему кормиться «рукоделием своим» и, выплачивая «промышленный оброк» по полполтине в год, перейти на положение гулящего человека⁵³.

Переход крестьян в посадские или служилые люди осуществлялся путем простого обмена тягла на службу. Такие случаи наблюдались на

⁴⁶ Там же, л. 13.

⁴⁷ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 209; ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 527, лл. 414—482.

⁴⁸ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, стб. 125, л. 4.

⁴⁹ Там же, Сибирский приказ, кн. 194, лл. 45 об.—50.

⁵⁰ Там же, стб. 307, лл. 4—6.

⁵¹ Там же, стб. 303, лл. 76—80.

⁵² В. И. Шунков. К истории земледелия Бурятии. «Записки» Бурятского научно-исследовательского института культуры. Т. XXV. 1958, стр. 28—39.

⁵³ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, стб. 21, л. 190.

протяжении всего XVII века. В Красноярском остроге между 1635 и 1648 гг. пашенный крестьянин И. Афанасьев поставил в свое место казака, а сам был поверстан в приборную службу⁵⁴. В Енисейске в 1664 г. крестьянин И. К. Тимофеев сдал тягло посадскому человеку С. Г. Челканову и был поверстан в его место в посад⁵⁵. В енисейской приходной денежной книге за 1694/95 г. был зафиксирован обмен тяглами «по любовному челобитью» между пашенным крестьянином М. Локасовым и уездным посадским человеком И. Высотой. Такие же случаи известны за 1691, 1703 гг. и т. д.⁵⁶ В Верхотурском уезде местная администрация, основываясь на Соборном Уложении 1649 г., верстала в 1680-х годах в посадскую службу крестьянских сыновей, если пашенное тягло по-прежнему обеспечивалось другими членами семьи, отцами и братьями⁵⁷.

В практике сибирской администрации встречались даже случаи, когда казаки просили о переводе их в крестьяне. В 1672 г. беломестный казак западносибирской Красноярской слободы А. Григорьев просил отставить его ввиду «болезни и бедности» от службы и поверстать по той же слободе в оброчные крестьяне с предоставлением льготных лет по выплате оброка. При решении этого челобитья верхотурский воеводе Ф. Г. Хрущев явно исходил не из указных законоположений, а из прецедента — «преж сего такие обрасцы бывали ли, в оброк из службы преваживаны ли»⁵⁸.

Несмотря на явное желание превратить приборное служилое войско в Сибири в замкнутую корпоративную группу населения, администрация, располагавшая ограниченными воинскими силами и постоянно нуждавшаяся в людях, не могла проводить в этом вопросе последовательную политику. Когда на границе возникало тревожное положение, сибирским воеводам приходилось пополнять приборное войско местными крестьянами и самим нарушать правительственные попытки обособить социальные группы населения. В других случаях Сибирский приказ и местные сибирские власти оставляли в службе выходцев из крестьянских семей, если тягло обеспечивалось этими семьями⁵⁹.

В литературе отмечалось, что на протяжении второй половины XVII в. объем барщинных работ, падавших на одно тягло, уменьшался. Так, за 80 лет (1623—1703 гг.) в Енисейском уезде пашенный оклад уменьшился почти вдвое, тогда как крестьянское население увеличилось в 36 раз. Аналогичную картину давали материалы по Верхотурско-Тобольскому району, Красноярскому, Томскому, Иркутскому, Илимскому уездам⁶⁰. Снижение пашенного оклада было отнюдь не результатом небрежения местных властей или их милостивого отношения к крестьянству. Тяговые обязательства крестьян систематически учитывались и заносились в специальные «крестьянские книги», перераспределялись и т. п. Поэтому снижение объема тяглых поземельных обязательств, весьма примечательное для характеристики феодального порядка, установившегося в Сибири, следует объяснить иными обстоятельствами. Не возбраняя крестьянам передавать свои тягла из рук в руки и менять местожительство, не препятствуя частичной сдаче тягол и соглашаясь на уменьшение тягового обложения за счет привлечения новых тяглецов из числа переселенцев, снимавших у уже обстроившихся крестьян часть тягла и тем самым оседавших на освоенных землях, правительство

⁵⁴ Там же, Сибирский приказ, стб. 307, лл. 442, 443; стб. 381, лл. 426—430.

⁵⁵ Там же, кн. 481, л. 53.

⁵⁶ Там же, кн. 1089, л. 169 об; кн. 1374, л. 146; кн. 999, л. 100.

⁵⁷ Там же, Верхотурская приказная изба, оп. 1, д. 154, лл. 306—309.

⁵⁸ Там же, д. 21, лл. 41-об., 42.

⁵⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 381, лл. 57, 58, 582—585.

⁶⁰ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 46, 71, 146; В. А. Александров. Указ. соч., стр. 205—208.

проявляло дальновидность. При такой политике десятинная пашня возрастала, конечно, не в арифметической прогрессии по отношению к общей численности крестьянского населения, но зато упрочивались предпосылки к дальнейшему сельскохозяйственному освоению края. О масштабах этого явления красноречиво свидетельствует анализ крестьянских книг Енисейского уезда за 1654—1664 годы. Путем поименного сопоставления крестьян удалось установить, что из 131 переселенца, порядившегося в пашенные крестьяне, за эти годы лишь 41 человек поднимал целину; 20 разделили тягла со старыми крестьянами, а 70 осели на землях крестьян, переменявших местожительство⁶¹. Только по одной книге за 1664 г. прослеживается 15 случаев подселения новоприходцев к крестьянам разных деревень Енисейского уезда⁶². В крестьянской книге 1691 г. отмечено три подобных случая⁶³ и т. д.

Материалы по Енисейскому уезду не представляют какого-либо исключения. То же самое происходило на протяжении всего XVII в. и в западносибирском Верхотурском уезде. Интересная хозяйственная сделка была заключена летом 1644 г. между невьянским пашенным крестьянином И. Глухим и гулящим человеком, двинянином Д. Петровым. Сдав Д. Петрову полдесятины государевой пашни, И. Глухой передал ему в виде «подмоги» (но, надо полагать, не безвозмездно) половину овина и половину бани, три лошади, две коровы, две овцы, одного теленка, ральники, серпы, косу, 10 пудов семенной ржи, две десятины с четью озимого посева ржи, овса и ячменя, половину пахотной («мякотной»), покосной и огородной земли на заимке. Кроме того, он согласился обеспечить его до сентября хлебом на еду и 4 года безденежно молотить его зерно на своей мельнице. Постройку избы для Д. Петрова заранее обусловленного размера (2,5×2,5 печатных сажени) они должны были осуществить совместно, а до ее завершения Денис мог жить в избе И. Глухого. Сделка заканчивалась обязательством И. Глухого принять на себя все расходы в случае женитьбы Д. Петрова, а жена И. Глухого должна была печь ему хлеб вплоть до женитьбы⁶⁴. В то же время и там же крестьянин О. Иевлев сдал гулящему человеку, пинежанину М. Панфилову полдесятины без полполтретника государевой пашни со всем двором, лошадь, коровой, овцой, новопашотной землей, покосами, 2,5 десятины озимого посева. По всей вероятности, у О. Иевлева имелся еще один двор, так как он собирался продолжать вести хозяйство и обязывался яровой урожаем 1644 г. с 1,5 десятины передать М. Панфилову⁶⁵.

Без всяких условий, судя по поручной записи, сдал в 1646 г. четь десятины государевой пашни крестьянин И. Носок гулящему человеку, вятчанину А. Корнильеву⁶⁶. В конце 1658 г. невьянский пашенный крестьянин К. Петров сдал четь десятины государевой пашни гулящему человеку И. Сергееву, с которым заключил следующее соглашение: в деревне Кочневой двор «все хоромы», овин, пашенные, залежные, покосные земли и в деревне Пердуновской клеть делятся пополам; И. Сергеев получал 20 пудов зерна, десятину засеянной пашни на залежной и «мякотной» земле, лошадь, корову, теленка, бычка, трех овец, свинью с поросенком и годовалого «вепря», сельскохозяйственный инвентарь, а также право на совместное владение одной лошадь и на совместное использование 30 копен сена на корм скоту⁶⁷. Так же пополам были разделены

⁶¹ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 210.

⁶² ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 481, лл. 44 а — 65.

⁶³ Там же, кн. 999, лл. 103, 108, 115 об.

⁶⁴ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 2, стб. 28, л. 5.

⁶⁵ Там же, л. 6.

⁶⁶ Там же, л. 9.

⁶⁷ Там же, оп. 1, стб. 122, лл. 32, 33. Аналогичная сделка была совершена тогда же в Невьянском остроге (там же, лл. 24, 25).

двор, изба, все «хоромы» (кроме житницы) и все земли между верхотурским подгородным крестьянином П. Трифоновым и Д. В. Трошихиным, который в 1663/64 г. снял четверть десятины десятинной пашни; из скота по их соглашению Д. Трошихин получил только быка, овцу и свинью⁶⁸. Наконец, летом 1668 г. тагильский пашенный крестьянин Савва Худорошков с братьями сдали пришедшим пермичам Луке и Василию Кузьминым полдесятины десятинной пашни на довольно сложных условиях. Съемщикам передавалось две лошади, две коровы, три овцы, 24 пуда зерна, ральники, два серпа, коса; из земель (пашенных, залежных, покосных) Савва оставлял за собой три жеребья, а Лука и Василий получали два жеребья и засеянную десятину с четью; двор в Ручкове деревне со всеми хоромами, погребом и клетью передавался Кузьминым, но овин и огород также делились по жеребьям (три к двум)⁶⁹.

Как видно, условия частичной сдачи тягла различались между собой, и проследить прямую связь между размером сдаваемого тягла и передаваемого имущества нельзя. Различные условия, на которых передавались одинаковые по объему тягловые обязательства, можно объяснить только заключением имущественных сделок между сдатчиками тягла и съемщиками. В одних случаях пашенные крестьяне поступались личным имуществом и, продавая его, возможно, на льготных условиях новопоселенцам, облегчали тяжесть барщинных повинностей; в других случаях более зажиточные и тяглоспособные крестьяне, совершая сделки по продаже части своего имущества, преследовали и иные цели, связанные, в частности, с освоением новых заимочных земель.

Также довольно разнообразно сдавались части денежного оброчного тягла. В Краснопольской слободе, Верхотурского уезда, летом 1689 г. крестьянин Л. Ф. Новоселов сдал А. Ф. Лобанову денежного тягла на 8 алтын 2 деньги, полностью разделив двор и все хозяйство⁷⁰. В 1690 г. там же П. И. Скороход, сдав Н. Т. Куторхину аналогичный денежный оброк, передал ему лишь лошадь, корову, сошники, косу, серп и полдесятины озимого посева⁷¹.

Частичные, причем также на различных условиях сдачи тягла происходили и между местными крестьянами. От 1658/59 г. сохранилось три известия о подобных сдачах в Невьянской слободе. В одном случае крестьянин Еремей Плотник снял с Неупокоя Аверкиева четь десятины государевой пашни и «взял с той пашней» лошадь, три коровы, 24 пуда зерна, половину пашенных и покосных земель и половину урожая с озимого посева. Кроме того, Неупокой обещал Еремею «пособить» перевести двор со всеми хоромами в его деревню⁷². При подобной же сдаче десятинной пашни А. Гаврилов передал П. Евтихееву лошадь, корову, две свиньи, треть только что снятого урожая (зерна) в Бобровской деревне, треть озимого посева и треть распашных земель и обязался срубить ему новую избу⁷³. Наконец, в третьем случае при сдаче полчети десятины П. Андреев передал М. Т. Усову всего лишь лошадь, корову, ральник, косу и серп⁷⁴. В 1670 г. в той же слободе сдача чети десятины была обусловлена более существенными условиями. З. И. Усолец «сдал» в Бобровской деревне Ф. В. Даулину двор со всеми хоромами, «науличной житницей и с баней» и половиной овина, выговорив себе право прожить в своем дворе три года и оставив за собой кобылу, жеребенка,

⁶⁸ Там же, оп. 2, стб. 111, лл. 16, 17 (на лл. 20, 21 см. о другой подобной сделке, заключенной там же и тогда же).

⁶⁹ Там же, л. 24.

⁷⁰ Там же, оп. 1, стб. 121, л. 140.

⁷¹ Там же, л. 139.

⁷² Там же, стб. 122, л. 26.

⁷³ Там же, лл. 34, 35.

⁷⁴ Там же, л. 27.

корову с двумя телятами, свинью, 17 пудов зерна, десятину озимого посева и пашенные залежные и покосные земли⁷⁵.

Фактически допуская сдачу тягла в первой половине XVII в., правительство в 1660—1680-х годах формально узаконило в Сибири данную практику. Это явно противоречило политике по укреплению крепостнических отношений, проводившейся в то же самое время в Центральной России, и стремлению в черносошном Поморье запретить обращаемость тяглых земель, которая тем не менее продолжала существовать⁷⁶. Возможность сдачи тягла в Сибири влекла за собой как право перемещения, так и право на совершение поземельных сделок между крестьянами—землепользователями.

Допуская обращаемость земель, правительство не отказывалось от своего верховного права поземельной собственности, которое в XVII в. было отнюдь не фикцией. Феодалное право земельного распоряжения проявлялось в отношении всех групп населения — крупного землевладения относительно немногочисленных монастырей, ясачных людей, при земельном испомещении крестьян, посадских и служилых людей. Хорошо известно, что правительство в XVII в. сдерживало рост земельных владений у сибирских монастырей, далеко не всегда удовлетворяло их просьбы об отводе угодий и даже пыталось последние отписывать⁷⁷. Исходя, конечно, из своих фискальных соображений, правительство стремилось предохранить охотничьи участки коренного ясачного населения от заселения русскими переселенцами.

Не менее определенно правительственные власти стремились воплотить в жизнь феодалное право на землю в отношении господствовавшего в Сибири мелкого служилого, посадского и крестьянского землепользования. В принципе земля отводилась властями служилым приборным людям в обеспечение их ратной службы, посадскому и крестьянскому населению — в обеспечение феодалной ренты. При этом земельные участки служилых людей по идее должны были соответствовать размерам их хлебного оклада, у крестьян — в установленном коэффициенте объему государева тягла. Эта сторона вопроса о земельном обеспечении указанных групп населения подробно была освещена В. И. Шунковым⁷⁸. Владение такими участками обеспечивалось «данными» грамотами и фиксировалось в переписных книгах. «Данные» грамоты выдавались или в индивидуальном порядке, или группам, сообществам. Такие земельные владения переходили по наследству. Однако стройность подобного государственного земельного отвода была быстро нарушена уже в процессе первоначального хозяйственного освоения сибирских земель.

В докладе Сибирского приказа, составленном в начале 1640-х годов, отмечалось, что на пашни крестьяне навоз не возят, «а где на выпашную землю навоз и вывезут и на той земле хлеб родитца плох, побивает травую, а где навоз положат больши, на том месте хлеб и не устоит потому, что толоки у них не бывает и на паренину скота пушают мало, что у всех слобод и у деревень для скотинного выпуску отведены покотишные особные луга, а скот ходит в Сибири оприч городов в слободах и в деревнях о себе, а не в пазбе, а выпашные худые земли сибирские пашенные люди мечут, а займут под пашни себе новые земли, где хто обыщет»; пашни устроены «не против русского обычая, полями не разгорожены и хлеб, рожь и ярь по вся годы сеют во всех трех полях. На перелоггах яровое не сеют, не родится. А сено косят также не против русского обычая, на которых лугах сено летом косят и на тех

⁷⁵ Там же, стб. 93, л. 4.

⁷⁶ См. А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 189, 191 и сл.

⁷⁷ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 368—373; В. А. Александров. Указ. соч., стр. 198—202.

⁷⁸ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 358—424.

местах на другое лето трава бывает худа или не растет, и они косят на иных лугах или в дубравах»⁷⁹.

Сибирское землепользование требует еще серьезных исследований. Однако и сейчас ясно, что северорусское крестьянство пришло в Сибирь с прекрасным знанием трехполья. Между тем уже первые поколения переселенцев убедились в трудности его внедрения в местных условиях. Ввиду слабого развития процесса эрозии почв и их относительно высокого естественного плодородия сибирская пашня не требовала немедленного удобрения навозом. Как видно, еще в первой половине XVII в. русские земледельцы заметили, что на унавоженных пашнях хлеб родится плохой и зарастает сорняками, а устойчивые урожаи основная культура того времени — рожь давала только при озимом, но не яровом посеве. Кроме того, сибирские поля были сильно засорены сорняками, с которыми можно было бороться, применяя только залежную систему. Поэтому русский земледелец воспользовался огромными земельными запасами и повсеместно в Сибири обратился к исторически более ранним, экстенсивным системам землепользования. Тем не менее они существенно не повлияли на распространение и развитие местного земледелия, но требовали постоянного введения в сельскохозяйственный оборот новых земель, отдельные участки которых у одного и того же земледельца могли располагаться в десятках километров от его жилища. Уже во второй половине XVII в. нередки были случаи, когда за отдельными деревнями числились сотни, а порой и тысячи годных под пашню десятин земли (выпаханные, залежные земли, гари и т. п.). На эти земли далеко не всегда имелись «данные» грамоты, а крестьянами они рассматривались как собственные⁸⁰. В результате широкого распространения захватного землепользования уже в XVII в. земельные участки находились во владении на самых разных основаниях; создавалась двойственная правовая коллизия, когда государственному земельному праву противостоял сложившийся обычай потомственного владения и распоряжения угодьями.

Крепостническое хозяйство как метод феодальной эксплуатации подразумевает полное прикрепление крестьянина к определенному участку земли. Правительство сумело создать в Сибири государеву пашню и охватить барщинным трудом основную часть сибирского крестьянства (по данным 1701 г., пашенные крестьяне составляли 74% всего сибирского крестьянства). Однако прикрепить крестьян к четко определенному участку, на котором они вели собственное хозяйство, правительство не смогло. Серьезнейшую роль в этом сыграли распространившиеся в Сибири обусловленные местными условиями и уровнем агротехники того времени системы землепользования — перелог, залежно-паровая система.

Правительство, осуществляя свои владельческие земельные привилегии, стремилось учесть все занятые земли, подсеяло новых переселенцев на уже занятые земли (если их размер превышал указанные нормы), передавало челобитчикам занятые, но не обрабатываемые земли. В 1679/80 г. вышел указ, в котором говорилось, что если у служилых людей объявятся лишние самовольно занятые земли, то они могут быть отданы тем, кто в них нуждается и подаст по поводу их челобитную⁸¹. Разумеется, наибольшее внимание местная администрация уделяла государевым пашням, строго следила за их состоянием и обработкой, проводила переверстку тягол. По материалам Енисейского уезда можно судить, что даже надзор за государевыми пашнями был связан с немалыми трудностями. Немногим более 20 лет после основания десятинной

⁷⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1673, лл. 31—33.

⁸⁰ Подробнее об этом см.: В. А. Александров. Указ. соч., гл. 8. §§1, 3.

⁸¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 913, лл. 122—127.

пашни под Енисейском, к середине 1640-х годов, подгородные крестьяне за выпашкой земель устраивали пашни далеко от города, и приказчику было «для дальнего большого разъезда дозировать в пашенное, в посевное и в ужинное время пельзя»⁸². В 1648 г. енисейский воевода Ф. Полибин запрашивал разрешение в Москве о перенесении десятинных пашен из-под города в более отдаленные места, но получил ответ — от деревень пашен не удалять⁸³. Тем не менее переносить пашни все же приходилось. Бывали случаи, когда крестьяне для удобства обработки десятинной пашни переселялись из одной деревни в другую. В 1668 г. подгородная десятинная пашня вновь переносилась⁸⁴ и т. д.

Тем более трудно было учитывать собинные крестьянские земли. Официальные власти далеко не всегда могли учесть все земли, вовлеченные крестьянами в хозяйственный оборот. Например, в писцовой книге Енисейского уезда 1689 г. нередко указания на то, что в той или иной деревне земли не мерены, «сметить их не по чему» и документов на их владение не имеется⁸⁵. Поэтому наряду с официально оформленными документами на право землепользования правительство принимало как правовой момент бытовой принцип старины или первоначального земельного освоения. Именно так закончилось дело о сепных покосах, поднятое в 1685 году. Решение верхотурского воеводы Г. Ф. Нарышкина об отводе посадскому человеку С. Кудрину этих покосов было опротестовано крестьянином И. Торговым, ссылавшимся на якобы сгоревшую у него в 1673/74 г. челобитную, по которой он расчищал покосы. Местные старожилы подтвердили факт расчистки, и в 1693 г. воевода И. Цыклер без ссылки на сгоревший документ оставил покосы за И. Торговым как стари ему принадлежащие⁸⁶.

Официальный принцип землепользования, по которому собинные земли должны были соответствовать объему тягла, определенного властями индивидуально для каждого крестьянина, расходился с практикой сибирского землепользования; с другой стороны, объем десятинной пашни, остававшейся основной натуральной повинностью, фактически не зависел от количества реально числившейся за крестьянином земли.

По логике обстоятельств, при которых происходило русское заселение и освоение Сибири, казалось бы, что отсутствие мирских связей между пришедшими из разных мест крестьянами-переселенцами, отсутствие «старины» в их хозяйственных и общественных внутрисельских взаимоотношениях облегчало официальной власти возможность устанавливать наиболее устраивавший ее порядок земельных отношений и феодальной эксплуатации. Однако это был бы слишком формальный подход к решению проблемы, таящий большую опасность впасть в ошибку. Далеко не везде и не всегда приходивший в Сибирь русский переселенец был в состоянии только своими силами основать земледельческое хозяйство. Необходимость коллективного труда возникала и в дальнейшем в процессе развития переложного землепользования. Поэтому в сибирской деревне в XVII в. создавались своеобразные сообщества по приведению земель в культурное состояние и существовали коллективные формы землеустройства, образовавшиеся на основе известных переселенцам у себя на родине, прежде всего в Поморье, бытовых порядков⁸⁷. В частности, в Западной Сибири прослеживается перенесенный явно из Поморья старинный порядок общинного земельного владения, в основе которого лежал «лук».

⁸² Там же, стб. 271, лл. 219—220, 251; стб. 291, лл. 238—241.

⁸³ Там же, стб. 307, лл. 146—148.

⁸⁴ Там же, кн. 317, л. 1; кн. 527, л. 5 об.

⁸⁵ Там же, кн. 1419.

⁸⁶ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, д. 63, лл. 114, 136—140, 155—159.

⁸⁷ В. А. Александров. Указ. соч., гл. 8, § 1.

В северорусских, поморских волостях, по данным второй половины XVI — начала XVII в., в «луках» определялась миром доля крестьянских семей в общих волостных угодьях и на этом основании устанавливался размер участка каждого дворохозяина в податях, мирских сборах и повинностях, падавших на черную волость в целом. В зависимости от местных условий в «луках» выражались как отдельные доли промысловых угодий, пашен или сенокосов, так и доли угодий в их совокупности⁸⁸. «Количеством луков того или иного хозяина обозначалась его собственность в общинном угодьи, которой он мог распорядиться совершенно свободно: продать, променять, завещать в монастырь, разделить между детьми, дать в приданое и т. д.», — писал о существовании «луков» в Поморье А. И. Копанев⁸⁹. Другой современный исследователь, М. В. Витов, также указывал, что в «луках» определялась доля каждого крестьянина среди владений долевого деревни Заонежья XVI—XVII вв.: «Каждый владелец доли деревни (вместе со своей семьей) распоряжался ею как собственностью... он получал право не на кусок земли или участок ловли, а на долю в общем деревенском владении»⁹⁰.

Разверстка повинностей по «лукам» известна в ряде западносибирских оброчных слобод (Арамашевская — 1690 г., Аяцкая — предположительно в 1650-х годах, Белослудская — 1640 г., Ирбитская — 1680—1690-е годы, Невьянская — 1690-е годы, Пышминская — 1690-е годы⁹¹). В Арамашевской, Ирбитской, Невьянской слободах крестьяне в 1690-х годах выполняли, исходя из количества «луков» по составленной «луковой книге», натуральные повинности (холст, пенька, смола). В Белослудской и Ирбитской слободах все повинности разверстывались «поголовно ж, луковщиной, а не по тяглу, помогаячи бедным и нужным крестьянам для вашего ж государева оброчного хлеба... для того, что много в Белослудской слободе бедных и нужных и старых крестьян, а иные слепы и хромы, а в вашем государеве оброчном тягле тяжелы, и мы, сироты ваши, по мирскому совету тех бедных и нужных, старых и увешных крестьян в мирских поборах освобождаем вместо милостыни»⁹². Крестьяне всем миром определяли объем «луков», учитывая при этом состав семьи. Попытка некоторых «легких в оброчном тягле» белослудских крестьян нарушить сложившуюся в слободе на протяжении более 40 лет традицию встретила в 1687 г. ожесточенное сопротивление остальных. Весьма примечательно, что верхотурский воевода приказал местному приказчику, проведя расследование конфликта, сохранить уплату мирских поборов поголовно «по луковой», а не по тяглу, если крестьяне того хотят⁹³. Таким образом, в данном случае местные власти сами соглашались размер собинной крестьянской запашки определять не по официальному принципу — «земля по тяглу», а по прямо противоположному — «тягло по земле».

Историки не обращали еще внимание на бытование в Сибири понятия «лук», поэтому, чтобы более конкретно охарактеризовать его сущность, потребуются специальные исследования. Тем не менее уже сейчас можно признать, что практика определения тягла по «лукам» усиливала противоречивость правовой коллизии на землю в Сибири.

Крепостническим устремлениям правительства препятствовали и другие обстоятельства, органически связанные с первоначальным хозяйственным освоением Сибири. До конца XVII в. отработочная рента

⁸⁸ А. И. Копанев. Неземледельская волость в XVI—XVII вв. «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Л. 1967, стр. 182—185.

⁸⁹ Там же, стр. 184.

⁹⁰ М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М. 1962, стр. 138.

⁹¹ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, стб. 34, лл. 363, 371, 372, 375, 376; стб. 121, лл. 34—41; 34—39, 72, 73, 75, 86; стб. 125, лл. 174—178.

⁹² Там же, стб. 121, лл. 34—39.

⁹³ Там же, лл. 43—46.

оставалась господствующей формой ренты в Сибири, а десятинная пашня — основной формой тягла. Однако уже в первой половине столетия в Сибири появились оброчные крестьяне, платившие натурой, а некоторая их часть — деньгами. Разумеется, оброчные обязательства больше привлекали переселенцев, нежели барщинные. По наблюдению А. А. Преображенского, западносибирское крестьянство довольно активно боролось за перевод на оброк уже в 1630-х годах, а во второй половине XVII в. оброчные слободы росли быстрее, чем пашенные, привлекая наибольшее количество новоприходцев⁹⁴. В целом по Сибири к концу XVII в. оброчные крестьяне составляли более 10% всего крестьянства, причем в Западной Сибири этот процент был значительно выше (к 1701 г. по Тобольскому, Верхотурскому, Тюменскому уездам — 19%⁹⁵). По мысли В. И. Шункова, приказчик оброчной слободы «терял повод для непосредственного вмешательства в производственную деятельность земледельца. Это в значительной мере освобождало крестьянина от постоянной приказчицей опеки»⁹⁶.

Положение оброчного крестьянина определялось и другим обстоятельством. Дело в том, что оброчное крестьянство в значительной части создавалось за счет слободчиков, представлявших занесенное из Поморья и примечательное в истории колонизации Сибири явление. На роль слободчиков как организаторов новых сельскохозяйственных поселений впервые обратил внимание С. В. Бахрушин; затем их деятельность изучал А. А. Кондрашенков, выявивший имена многих слободчиков, «которые на протяжении XVII в. явились основателями многочисленных населенных пунктов Зауралья»⁹⁷.

На первоначальном этапе хозяйственного освоения Сибири правительство, не будучи в силах полностью подчинить своему воздействию движение переселенцев, привлекало таких слободчиков к организации сельских поселений и, доверяя им опыт по оброчному устройству крестьян, наделяло их административной и даже судебной (по мелким искам) властью. Содействуя образованию постоянного сельского населения в Сибири и вовлечению его в орбиту феодальной эксплуатации, слободчики были не только своеобразными предпринимателями, как полагал С. В. Бахрушин; с одной стороны, они являлись представителями государственной власти, а с другой — в силу социальной близости с поселявшимися крестьянами-переселенцами выступали как их представители⁹⁸. Двойственность положения слободчиков определяла и их судьбу в дальнейшем: одни переходили в состав нижней правительственной администрации, а другие оставались сторонниками чернососных традиций. В последнем случае они тем более привлекали к себе переселенцев. В 1682 г., например, массовое переселение раскольников в Утяцкую слободу (на р. Тобол) к слободчику Ф. Иноземцеву обеспокоило даже тобольского воеводу А. А. Голицына. Своему верхотурскому коллеге Л. А. Лопухину он писал: «Выезжают из слобод многие всяких чинов люди, покиая двory свои, и скот, и хлеб на Тобол в Утяцкую слободу к слободчику Федке Иноземцеву и заводитца пустынь такая ж, что и преж сего збирывались вверх по Тоболу реке на Березовке речке на прелесть православным христианам». Он приказал блокировать все дороги, ведущие от Верхотурья к этой слободе, переселенцев задер-

⁹⁴ А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 85, 96, 97.

⁹⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1354, лл. 177, 219 об., 231 об, 277, 405 об.

⁹⁶ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 412.

⁹⁷ С. В. Бахрушин. Сибирские слободчики (из истории колонизации Сибири). «Научные труды». Т. III, ч. I. М. 1955, стр. 212—225. А. А. Кондрашенков. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII веках. Ч. I. 1966, стр. 52. В настоящее время известно более 30 таких слободчиков, возглавлявших управление 26 слобод с 1630-х годов до конца XVII века.

⁹⁸ А. А. Кондрашенков. Указ. соч., стр. 57—70.

живать и доставлять на розыск. Л. А. Лопухин тотчас исполнил этот приказ⁹⁹.

Положение крестьян в таких слободах отличалось не только более льготной формой ренты (оброчной), но и порядком управления, при котором сложно было установить крепостническую дисциплину.

К важнейшим явлениям, препятствовавшим упрочению крепостнических порядков в сибирской деревне, следует отнести постоянный приток из-за Урала в XVII в. новых переселенцев, активно стремившихся избавиться от феодального гнета. По наблюдению А. А. Преображенского, миграционные процессы оказывали сильное влияние на эволюцию ренты: «Переселенческое движение в Западную Сибирь, к тому же из районов с решительным преобладанием денежной ренты (Поморье и Урал), создавало условия для отмены наиболее грубой формы феодальной эксплуатации на колонизируемых окраинах — государевой десятинной пашни»¹⁰⁰.

Наряду с образованием костяка старожильского населения в сибирской деревне одновременно происходил постоянный, усиливавшийся к концу XVII в. процесс внутрисибирской миграции. В этой связи не следует также забывать при рассмотрении вопроса о феодальном порядке в Сибири значения промысловой колонизации, численно хотя и уступавшей колонизации сельскохозяйственной, но увлекавшей значительную часть переселенцев в глухие, таежные тундровые районы, где установить даже административный контроль над ними было нелегко.

Рассмотренные явления сибирской действительности XVII в. позволяют считать, что складывавшиеся с начала русской колонизации системы землепользования, основанные на сельскохозяйственном опыте первых же переселенцев, непрерывавшийся приток переселенцев из Европейской части страны, стремившихся избежать феодального гнета, а также внутрисибирские миграции населения, обусловленные процессом хозяйственного освоения новых районов, не позволили правительству осуществить личное прикрепление крестьян и повсеместно упрочить барщинно-крепостнический строй под эгидой собственной местной администрации. Основываясь на форме феодальной эксплуатации, В. И. Шунков считал возможным сближать основную часть сибирского крестьянства — пашенное крестьянство (барщинное) — с дворцовыми крестьянами Европейской России¹⁰¹. Правда, позднее он отмечал в общем плане наличие «ряда черт» в условиях землепользования сибирского крестьянина, таких же, как и в черносошных районах России¹⁰². Между тем право сдачи тягла и перемещения сначала фактическое, а со второй половины XVII в. формально узаконенное под контролем местных властей, широкая возможность освоения новых земельных участков и бытование земельного обращения позволяют видеть в положении сибирского крестьянства вариант крестьянства черносошного, близкого к поморскому. Русское правительство, не имевшее в Сибири обширного аппарата принуждения, но заинтересованное в аграрном освоении сибирских земель и оседании на них тяглых земледельцев, вынуждено было, хотя и с большими колебаниями, проводить довольно гибкую политику, отличную от откровенно крепостнического курса, осуществляемого в центральных районах страны. Показательно, что уничтожение государевой десятинной пашни в Сибири последовало в 1760-х годах, когда крепостничество в центральных областях государства достигло своего апогея.

Характеризуя процесс сложения сословия государственных крестьян, в состав которых в XVIII в. попали и сибирские крестьяне, П. М.

⁹⁹ ЦГАДА. Верховурская приказная изба, оп. 2, стб. 308, лл. 25—29, 31—32; см. также: А. А. Кондрашенко в. Указ. соч., стр. 59, 60.

¹⁰⁰ А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 99.

¹⁰¹ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 412.

¹⁰² «История Сибири». Т. II, стр. 113.

Дружинин справедливо писал: «Петровское законодательство только укрепило и расширило сложившиеся отношения, которые были унаследованы от XVII столетия. Чтобы убедиться в правильности этого вывода, необходимо выяснить: каково было прежнее положение каждого из разрядов новообразованного сословия государственных крестьян»¹⁰³.

Своеобразие системы «государственного феодализма» в Сибири заключалось в бытовании наряду с государственными обычно-правовых земельных норм, в сочетании барщины с правом сдачи тяглов и перемещения. Без уяснения этого своеобразия нельзя понять социальные и хозяйственные явления внутри сибирской деревни и социальную политику правительства, отразившуюся в XVII в. в организации десятинной пашни, а также в особенностях сыска беглых крестьян в Сибири, что заслуживает специального исследования. Начало этой системе было положено в XVII в., а следствия ее прослеживались в дальнейшем в XVIII—XIX вв. как в Западной, так и в Восточной Сибири¹⁰⁴.

В то же время государство не отказывалось ни в какой степени от своей верховной власти над сибирскими землями и от права распоряжаться ими, что гарантировало интересы казны; санкционируя через тягло право землепользования, правительство повсеместно, тем более по мере усиления своего административного аппарата, могло принудить и принуждало зависимое крестьянство к несению феодальных обязательств, ставило его в условия тяжелого финансового и административного гнета и путем приписки крестьян к горным заводам Алтая и Забайкалья обеспечивало в дальнейшем разработку рудных богатств Сибири.

¹⁰³ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I. М.-Л. 1946, стр. 27.

¹⁰⁴ М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск. 1965, стр. 253; С. С. Лукичев. Феодальные повинности и основные отрасли хозяйства приписных крестьян Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в первой половине XIX века. Автореф. канд. дисс. Томск. 1970; Ю. В. Кожухов. Из истории крестьянства Восточной Сибири в первой половине XIX в. «Ученые записки» Ленинградского пединститута имени А. И. Герцена. Т. 222. 1961.